

Е. Г. Степанян

...Будете как боги, знающие добро и зло...

...На помощь Твою надеюсь, Господи...

О Михаиле Булгакове

...Горе живущим на земле... ибо к вам сошел дьявол...

и «собачьим сердце»

...На помощь Твою надеюсь, Господи...

...Будете как боги, знающие добро и зло...

...На помощь Твою надеюсь, Господи...

...Горе живущим на земле... ибо к вам сошел дьявол...

...На помощь Твою надеюсь, Господи...

Елена Степанян

**О Михаиле Булгакове
и «собачьем сердце»**

«Интермедиатор»

2015

УДК 801.733:821.161.1-31Булгаков М.А.
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Степанян Е. Г.

О Михаиле Булгакове и «собачьем сердце» / Е. Г. Степанян —
«Интермедиатор», 2015

ISBN 978-5-4212-0307-0

Поэт и драматург Е. Г. Степанян, автор известного романа-драмы «Царский выбор», поражает читателя ярким произведением совершенно иного жанра. Это эссе – поданная в остроумной художественной форме литературоведческая работа, новое слово в булгаковедении, проникающее в глубину архетипа булгаковского мировидения. За буквой фантастической реальности автор распознаёт и открывает читателю истинный духовный замысел Михаила Булгакова.

УДК 801.733:821.161.1-31Булгаков М.А.

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4212-0307-0

© Степанян Е. Г., 2015

© Интермедиатор, 2015

Елена Грантовна Степанян О Михаиле Булгакове и «собачьем сердце»

*...Будете как боги, знающие добро и зло...
...На помощь Твою надеюсь, Господи...
...Горе живущим на земле... ибо к вам сошел дьявол...
...На помощь Твою надеюсь, Господи...
...Будете как боги, знающие добро и зло...
...На помощь Твою надеюсь, Господи...
...Горе живущим на земле... ибо к вам сошел дьявол...
...На помощь Твою надеюсь, Господи...*

– Я вскрыл целую тысячу трупов, и ни в одном из них не обнаружил никаких признаков души, – заявил профессор Мечников. В ответ, несомненно, раздались аплодисменты.

Дело происходило на заре XX века. Новый бог был дан людям. Имя ему Наука. Возражать жрецу Науки было всё равно, что признаться... – но никто не признавался! Младенца не нашлось, который задал бы прославленному ученому самый естественный вопрос – что это он вздумал отыскивать душу в предмете, который, собственно, и характеризуется отсутствием души? Сказано, что нет души – значит нету! А раз нету, то и не было никогда.

А что же тогда было и есть? – Труп. Просто сначала этот труп живой, а затем – мёртвый.

В повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» выдающийся ученый Ф. Ф. Преображенский в процессе эксперимента неожиданно для себя решает небывалую задачу – создает на основе мертвого трупа новую человеческую единицу. Труп, таким образом, выступает в качестве подателя жизни. Что это – литературная фантазия? Ничуть! Недаром же научно обосновано и в школьные учебники записано – живое происходит из неживого, органическое из неорганического. Оспаривать эту истину – всё равно что отрицать последовательность элементов гениальной таблицы Менделеева. Это занятие, достойное не просто обскурантов и невежд, а форменных животных. И одно такое животное, пёс Шарик, герой вышеупомянутой повести Булгакова, позволило себе взобраться на стол своего высокоучёного хозяина – и так засветило по портрету профессора Мечникова, что только осколки посыпались. Рискованно, что ни говори. И не только со стороны пса, но и со стороны автора повести.

Михаил Булгаков приобрел свою первую известность романом «Белая гвардия». Роман этот, напечатанный ничтожно малым тиражом, понравился многим. Немногих же – например, провидца Максимилиана Волошина – он ошеломил. Это было предвосхищение того ошеломляющего впечатления, которое произвело на Россию, а затем и на весь мир, главное творение Булгакова – «Мастер и Маргарита».

В чем же крылась причина этого изумления? Что, собственно говоря, произошло? – А произошло то, что один человек, М. А. Булгаков, вновь обрёл то видение мира, которое большинством людей было вовсе утрачено.

Что же увидел Булгаков? *Небо отверстым и ангелов, нисходящих к сынам человеческим.* И не просто увидел, а сумел поведать об этом всем и каждому, запечатлев увиденное в самой доступной, в самой любимой к тому времени художественной форме – в романе.

Европейцы XIX века любили роман такой любовью, что лучше её ни с чем не сравнивать – пусть она останется несравненной. В основе этой любви лежала величайшая потребность человеческой души – любить ближнего, как самого себя. В лице романских героев читатель обретал именно таких ближних, а любовь к ним была ещё тем хороша, что осуществлялась без малейших моральных и материальных затрат. Стремление окружить себя всяческим ком-

фортом, и прежде всего, моральным, – главная черта, отличающая образованного европейца от варваров всех мастей.

Но и эта любовь пришла к концу – в науке он зовётся «кризисом романа». Ибо нет ничего вечного под тем небом и на той земле, где живут герои добулгаковского романа, где стирает своё бельё «Прачка» Шардена. Посмотрите на неё, уже который век занятую своим бесхитростным трудом! Разве она не достойна любви? Разве не достоин похвалы художник, запечатлевший её и давший нам возможность видеть этот милый облик через много лет после её смерти? – В том-то и беда, что смерть её уже здесь, она царствует в этой картине. Ведь небо над головой Прачки – это сгущение лёгких частиц, за которыми пустота, а земля под её ногами – это вцепившиеся друг в друга элементы таблицы Менделеева. И нет у Прачки иного пути, чем разложиться на все эти частицы и элементы, и знал об этом Шарден, когда её рисовал. Поэтому не живую Прачку видим мы на полотне, а давным-давно мёртвую. А значит, и ни к чему лезть на рожон и возражать что-то профессору Мечникову.

Но вот происходит нечто, что можно условно назвать чудом, и у человека открывается иное зрение, и он начинает видеть мир не таким, как на картине Шардена, а, скажем, таким, как на росписи церковной стены. И он видит – не на картине, не на росписи, а наяву *небо открытым*, и видит, что отверсто оно над головами тех, кто уверовал в свою абсолютную смерть, кто согласился признать себя живым трупом, и вот теперь носится туда-сюда, пока не придёт в окончательное состояние. А под ногами их он, этот прозревший, видит *ад преисподний, приходящий в движение* ради того, что происходит на земле.

И оказывается, что за истекший период ничего не изменилось ни *на небе вверху*, ни *ниже земли* – всё до удивления похоже на то, как это было когда-то нарисовано на церковной стене. Один лишь земной мир выглядит по-иному, поэтому визитёрам «снизу» приходится обзаводиться кепками, пиджаками, треснутыми пенсне и прочей дрянью, чтобы не слишком выделяться из общей массы.

Но вот он, прозревший, привыкает к этой многомерной картине, и тогда его взгляд начинает различать ещё более удивительные вещи. Он всматривается в происходящее между небом и землёй и видит, что все эти пиджаки и пенсне, трамваи и аэропланы, словом, все приметы времени, создающие его неповторимый облик, можно взять и смести в сторону, как никчемную кучу хлама. А то, что с трепетом обнажается при этом – да разве это не то же самое, что нарисовано на церковной стене? Всё похоже, всё, даже приземистая Лысая гора.

Таким дано было видеть мир Михаилу Булгакову в то самое время, когда наука – всё на свете уже объяснившая и обещавшая всё по-своему переиначить – торжествовала окончательную победу. Окончательную, но не бесповоротную.

Горе живущим на земле... ибо к вам сошёл дьявол в великой ярости,
зная, что недолго ему осталось.

Поначалу Булгаков создаёт сатиру на эту победоносную науку – повесть «Роковые яйца». Всё в этой повести великолепно: и очумелый профессор Персиков, похожий на рептилию, и бледный завистник ассистент Иванов, и большевик Рокк, расстриженный из комиссаров в хозяйственники. И то, как Рокк пытается при помощи браунинга руководить научным процессом, и то, как сам Персиков звонит поминутно на «эту, как её, Лубянку» с просьбой расстрелять всех тех, кто мешает ему работать. Мудрая повесть, и правдива её горькая мораль: современная наука способна погубить и всё вокруг, и самих творцов своих. Всё это так, никто не посмеет сказать, что «Роковые яйца» бьют мимо цели. Однако наука не дрогнула.

И тогда Булгаков написал новую повесть о талантливых учёных и выдающихся научных открытиях – «Собачье сердце».

Формально её можно расценить как произведение, посвящённое новому этапу торжества науки: герою, профессору Преображенскому, удаётся, в отличие от Персикова, совладать с взбунтовавшимся про тив него творением собственных рук. Но не стоит спешить с выводами на основе формальных признаков. Ведь в то же самое время, опять же формально, «Собачье сердце» – сатира, тому свидетель каждый, кто его читал. Следовательно, необходимо разобраться, торжествует ли в данном случае наука или подвергается осмеянию. А если не наука здесь осмеивается, то что же? Гоголевский вопрос – «Над чем смеётесь?» – оказывается тут необыкновенно уместным. Увы, ещё более уместным оказывается тут гоголевский ответ – «Над собой смеётесь!» Да, над собой смеётся читатель «Собачьего сердца», и не какой-то там абстрактный, произвольный читатель, но читатель образованный, и хорошо образованный, осведомлённый в новейших достижениях науки, уверовавший в неё до конца, в то, что она призвана заменить ему Господа Бога, отца и мать, стыд и совесть. Этот читатель – незримый герой, вынесенный за пределы текста – и служит главным объектом осмеяния в «Собачьем сердце». Это его дурачит и водит за нос автор, это он оказывается разоблачённым до такой степени, что вот уже видишь, как скальпель щекочет его голые рёбра с коварным вопросом – не отыщутся ли здесь какие-нибудь признаки души?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.